

© Скриба А.С.¹, © Бодиштяну Н.В.², 2023

«Конец истории» и постсоветские страны Восточной Европы: почему не получилось?

Аннотация. На фоне украинских событий концепция «конца истории» обсуждается в контексте перспектив распространения либерально-демократической идеологии и возможностей прекращения конфликтов. Когда-то именно регион Восточной Европы, куда после распада СССР вошли и постсоветские страны, стал символом успеха либеральной демократии и перехода международных отношений в новое бесконфликтное состояние. Но если в случае бывших стран СЭВ, а также трех прибалтийских стран либеральная демократия в итоге была институционально закреплена на платформах ЕС и НАТО, то в случае трех других стран бывшего СССР – Белоруссии, Республики Молдова и Украины – такого результата добиться не удалось. Более того, несмотря на многолетние попытки переориентировать эти страны на либерально-демократический путь развития, все три страны по-прежнему демонстрируют высокий уровень неприятия либерально-демократического порядка. Учитывая, что сам автор идеи о «конце истории» Ф. Фукуяма в

¹ Скриба Андрей Сергеевич – кандидат политических наук, заведующий научно-учебной лабораторией политической географии и современной геополитики, факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (askriba@hse.ru).

² Бодиштяну Николь Витальевна – аспирант, стажер-исследователь, международная лаборатория исследований мирового порядка и нового регионализма, факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (nbodishteanu@hse.ru).

настоящее время вновь поднял тему о перспективах либеральной демократии и бесконфликтного мира, который она якобы должна принести, авторы статьи предлагают критически оценить достижения последних тридцати лет в этой области на примере государств Восточной Европы с особым акцентом на ситуации в Белоруссии, Молдове и Украине и попытаться ответить на вопрос, почему в этих трех странах «конец истории» (во всей комплексности этой концепции), несмотря на предпринятые «коллективным Западом» усилия, так и не был реализован в полной мере.

Ключевые слова: «конец истории», либеральная демократия, Восточная Европа, конфликты, Белоруссия, Республика Молдова, Украина.

Введение

Окончание холодной войны, без сомнения, было эпохальным событием, которое в полном смысле слова поставило вопрос о будущем международных отношений, и это неудивительно: ведь мир стал свидетелем не просто очередного перераспределения сил, но фактически добровольного отказа одного из крупнейших глобальных игроков – Советского Союза – от участия в геополитической конкуренции. В конце 1980-х годов президент СССР М. Горбачев вывел советские войска из Афганистана, Восточной Германии и стран Восточной Европы. А в 1989 г. М. Горбачев и президент США Дж. Буш на Мальтийском саммите объявили об окончании холодной войны. Так быстро и неожиданно закончилась эпоха, во многом определявшая научные традиции в области международных отношений, и в результате эксперты и ученые-международники столкнулись с необходимостью переосмысления правил мировой политики.

В научном мире происходившие тектонические изменения зафиксировал (среди прочих) американский политолог Ф. Фукуяма, предположивший, что с уходом идеологической конфронтации наступит так называемый «конец истории» [Fukuyama, 1989]: появится одна доминирующая идеология, которая будет характеризоваться низкой конфликтностью как на внутригосударственном уровне, так и на международном. По мнению Фукуямы, эту роль будет исполнять либерально-демократическая идеология,

которая одержала победу над коммунистическим мировоззрением в холодной войне и которую уже ничто не сможет остановить на пути к глобальному доминированию. В будущем все страны мира присоединятся к «западному ядру» сторонников либеральной демократии, и таким образом исторический процесс поиска наилучшей формы правления завершится.

Идея о «конце истории» была достаточно новой для политической науки и международных отношений. Особенно много вопросов вызывала перспектива отсутствия конфликтов. Такого феномена в человеческой истории еще не было, да и само утверждение, что победа одной идеологии над другой сразу ликвидирует все противоречия, многим казалось весьма сомнительным. Одним из наиболее авторитетных критиков Ф. Фукуямы можно считать его бывшего научного руководителя С. Хантингтона – автора концепции «столкновения цивилизаций», предположившего, что конфликты сохранятся, но будут происходить между культурами, а не между странами [Huntington, 1993]. Здесь также уместно вспомнить разработанную М. Капланом типологизацию международных систем, согласно которой распад биполярной системы не гарантирует международным отношениям переход в бесконфликтное состояние, но открывает возможности для образования иных конфигураций [Kaplan, 1957].

Сегодня критиковать концепцию «конца истории» достаточно просто. Во-первых, потому что сам ее автор давно от нее отказался [Fukuyama, 2006]. Во-вторых, потому что объективные данные по распространению либеральной демократии свидетельствуют, что число либерально-демократических режимов в мире было максимальным в середине 2000-х годов, после чего стало постепенно сокращаться¹. Так, если в 2006 г. в мире насчитывалось 26 «полноценных демократий», то в 2021 г. – 21. При этом сам индекс демократии за 15 лет увеличился только в лидирующих странах рейтинга, в остальных же он сократился (на один-два пункта), в результате чего некоторые страны перешли в категорию «несо-

¹ Согласно индексу демократии (*Democracy index*), который составляется британской компанией «Economist Intelligence Unit».

вершенных демократий» [Democracy index ..., 2022]. А если судить по численности населения данных стран, то сокращение «демократического лагеря» будет выглядеть еще более внушительно. Наконец, международная практика за последние три десятилетия убедительно показала, что даже страны, принадлежащие к лагерю «полноценных демократий», вполне способны не просто на участие в конфликтах, а на провоцирование международных кризисов. Раздел Югославии, вторжение в Ирак и Афганистан, бомбардировки Сирии и Ливии – вот лишь самые очевидные примеры.

Тем не менее нельзя не признать, что в конце 1980-х – 1990-е годы существовала отнюдь не нулевая вероятность, что «конец истории» может действительно наступить. По мере того как коммунистическая идеология теряла популярность и сокращала свое влияние и присутствие в разных странах (включая даже оплот этой идеологии – СССР), старые и новые политические режимы нередко разворачивались именно в сторону либерально-демократической модели. Важнейший пример – Восточная Европа, где страны бывшего Варшавского договора / СЭВ и даже некоторые бывшие республики СССР, проведя серию быстрых реформ (так называемая шоковая терапия) в 1990-е годы, уже в следующем десятилетии успешно интегрировались в западный мир и стали членами Европейского союза и НАТО.

Казалось, что еще одним примером многообещающих сдвигов станет «арабская весна». Предполагалось, что народные движения, начавшиеся в Тунисе как реакция на ряд социальных и экономических проблем (безработица, неравенство, неэффективность государственных институтов) [Bromley, 2022], приведут к большей экономической справедливости, искоренению коррупции, увеличат вовлеченность народа в политическую жизнь [Hassan, Duerg, 2017]. Из Туниса протесты распространились на другие страны: Ливию, Египет, Йемен, Сирию и Бахрейн. Масштабы протестов и их относительный успех (смена некоторых режимов и крушение долговременных авторитарных правлений) поначалу создавали впечатление, что либеральная демократия может прийти даже в такой консервативный и фундаменталистский регион, как Большой Ближний Восток.

И все же события 2010-х – начала 2020-х годов показали, что масштабирование либеральной демократии и западной версии бесконфликтного мира имеет свои пределы. Примечательно, что границей стал тот самый регион Восточной Европы, с которого, как когда-то казалось, должен был начаться победный марш этой идеологии по всему миру. В частности, три постсоветские страны – Белоруссия, Республика Молдова и Украина, – несмотря на первоначальный мощный импульс движения в сторону «коллективного Запада» и на усилия самого Запада по втягиванию их в свою идеологическую орбиту (например, на базе «Восточного партнерства»), за три десятилетия так и не стали частью «конца истории». На сегодняшний день апогеем этих процессов можно считать, без сомнения, украинский конфликт 2022 г., который наглядно подтвердил: в Восточной Европе история по-прежнему продолжается.

На основании вышесказанного можно сформулировать исследовательский вопрос: почему для трех восточноевропейских постсоветских республик – Белоруссии, Молдовы и Украины – «конец истории» так и не наступил? Ответ на этот вопрос позволяет лучше понять принципы современной конкуренции в международной политике, и в частности – природу конфликтов в регионе Восточной Европы.

В первой части статьи мы рассматриваем концепцию «конца истории», которая противопоставляет «бесконфликтную» либеральную демократию внутренним и международным конфликтам. Вторая часть посвящена исследованию проникновения идеологии либеральной демократии в Восточную Европу (в широком смысле, включая постсоветские страны) и оценке того, в какой мере она стала доминирующей в этом регионе. В третьем разделе мы обращаемся непосредственно к ситуации в Белоруссии, Молдове и Украине и пытаемся объяснить, почему эти страны не достигли «конца истории», несмотря на все усилия по распространению здесь идей либеральной демократии. В заключительном четвертом разделе мы уделяем основное внимание современному кризису, возникшему в процессе дальнейшего распространения либеральной демократии, символом чего является нынешний украинский конфликт.

Конец истории как конец конфликтов

Хрестоматийное для любого исследователя международных отношений эссе Ф. Фукуямы, опубликованное в 1989 г., коренным образом отличалось от многих других работ в этой области, в которых конфликты и политическая конкуренция рассматривались в качестве основы межгосударственного взаимодействия. Например, П. Кеннеди в своей книге «Взлеты и падения великих держав» пояснял, что вслед за падением одной державы неизбежно происходит возвышение другой, что делает конкуренцию между государствами константой международной жизни [Kennedy, 1989, p. 71]. Р. Кохейн в книге «После гегемонии» предполагал, что до тех пор, пока есть страны, претендующие на гегемонию, конфликты будут продолжаться, даже несмотря на усиление международных институтов [Keohane, 2005]. С. Хантингтон, хоть он и не специализировался на международных отношениях, тоже нашел достаточно оснований для того, чтобы утверждать, что конфликты останутся неотъемлемой частью глобального порядка.

Сам Фукуяма также не был специалистом-международником. Скорее его можно назвать политическим философом, изучающим историю и институциональные основы развития государств и обществ. В своем эссе «Конец истории?» [Fukuyama, 1989] он именно так и интерпретирует исторический процесс: не просто как смену одного уклада другим, а как поиск человечеством наилучшей и наиболее эффективной и справедливой формы правления, которая положит конец конфликтам между людьми, направив их энергию в более созидательное русло. Но поскольку для разных регионов и стран всегда были характерны различные формы правления (а в XX в. – еще и разные политические модели, присущие различным идеологиям), то именно эта конкуренция и двигала вперед человеческую историю: с одной стороны, выполняя роль селектора, а с другой стороны, заставляя каждую из политических моделей совершенствоваться, чтобы не уступать конкурентам.

С самого начала эссе Фукуямы уже очевидно, что автор симпатизирует «победителю» – либеральной демократии, одолевшей всех своих оппонентов. Хотя сам Фукуяма пишет, что опирается на

идеи Г. Гегеля, многое в его аргументации напоминает рассуждения И. Канта в трактате «К вечному миру»: пытаясь раскрыть суть преимуществ либеральной демократии, Фукуяма обращается к идеям республиканизма времен Французской революции. По мнению Фукуямы, либеральная демократия по своей сути является не только справедливой, но и бесконфликтной формой правления: на внутригосударственном уровне – поскольку ввиду своей теоретической инклюзивности она должна лучше учитывать мнения различных слоев общества и групп интересов, а также на международном уровне – поскольку «демократии не воюют» из-за более пристального внутреннего контроля со стороны общества над принимаемыми в государстве решениями.

Как показала история, либеральная демократия старого образца (времен Французской революции) на практике оказалась далека от идеала, поэтому в XIX и XX вв. конкуренция идеологий и политических моделей (а вместе с ней и история) продолжалась. В XX в. именно эта конкуренция заставила западную политическую модель совершенствоваться, становиться все лучше и эффективнее, пока наконец в 1989 г. ее главный и, согласно Фукуяме, последний реальный оппонент в лице СССР не объявил о сдаче своих позиций.

На момент публикации эссе в Советском Союзе уже проявлялись центробежные тенденции, в отдельных случаях сопровождавшиеся существенным ростом популярности националистических движений и распространением соответствующих настроений в обществе. Однако Фукуяма рассматривал этот тренд в исключительно позитивном ключе: сопутствующие политической децентрализации экономические преобразования, ведущие к либерализации рынка, по его мнению, неизбежно должны были привести к политическому либерализму («политический либерализм идет вслед за экономическим либерализмом» [Fukuyama, 1989, p. 9]). Оптимизм Фукуямы во многом поддерживался очевидными успехами распространения западной потребительской культуры, а также отмеченной им способностью элементов экономического и политического либерализма к адаптации под незападные общества (как, например, в Японии). При этом, рассуждая о неизбежно-

сти «конца истории» и торжестве либеральной демократии, Фукуяма приходит к выводу, что вовсе необязательно, чтобы в «конце истории» все общества стали либеральными: важнее, чтобы другие общества признавали доминирующую роль либеральной демократии и, как следствие, не претендовали на главенствующее положение собственной формы общественно-политического устройства («достаточно, чтобы были забыты идеологические претензии на иные, более высокие формы общежития» [Fukuyama, 1989, p. 12]).

Итак, что такое «конец истории» по Фукуяме? Это конец конфликтов в обществе, достигшем вершины своего социально-политического развития, которой сам Фукуяма считает либеральную демократию; это конец конфликтов не только внутри каждой страны, исповедующей данную идеологию, но и между странами, которые в 1989 г. по-прежнему оставались основными структурными элементами международных отношений («международная жизнь в той части мира, которая достигла конца истории, в гораздо большей степени занята экономикой, а не политикой или военной стратегией» [Fukuyama, 1989, p. 14]). Фукуяма предполагал, что конец конфликтов будет иметь не временный, а постоянный характер: с обрушением последнего идеологического оппонента (коммунистической идеологии) никто больше не сможет бросить вызов эффективной западной либерально-демократической модели. Все незападные альтернативы (ислам, религиозный фундаментализм, авторитаризм) американский ученый считал неспособными к масштабированию, а потому полагал, что они останутся не более чем локальными очагами сопротивления.

Означало ли это, что история должна была закончиться в 1989 г.? Конечно, нет. Сам Фукуяма признавал, что конфликты в мире еще будут продолжаться. В мире еще оставались нерешенные проблемы и территориальные споры, которые могли привести к новым войнам (например, на этнической и националистической почве). Но он считал, что эти конфликты не будут затрагивать ту часть мира, которая вошла в клуб либеральных демократий и вступила в период «постистории», тем более что, по его мнению, локальные конфликты уже не будут угрозой для общемировой

архитектуры безопасности, ведь «для серьезного конфликта нужны крупные государства, все еще находящиеся в рамках истории, а они-то как раз и уходят с исторической сцены» [Fukuyama, 1989, p. 15].

Итак, к началу 1990-х годов экономические и технологические преимущества Запада над не-Западом были очевидны и неоспоримы и наряду с этим отсутствовали значимые альтернативы той политической модели, которую продвигали сторонники либеральной демократии. Первые годы трансформаций в Восточной Европе и на постсоветском пространстве скорее подтверждали предположения Фукуямы, нежели давали повод усомниться в них.

Проблемы «конца истории» в Восточной Европе

В годы холодной войны Восточная Европа была ареной конкуренции между либеральной демократией и коммунистической идеологией: СССР боролся за «удержание» своей зоны влияния, а страны Запада – за расширение своей. Знаковыми событиями этой борьбы стали протесты в Будапеште (1956) и Праге (1968), когда впервые встал вопрос о повороте отдельных стран региона в сторону либерально-демократической модели. А уже в 1980-е годы в Венгрии, Чехословакии, Польше и других странах Восточной Европы громко зазвучали призывы к собственной перестройке политической системы, свидетельствовавшие о сжатии зоны влияния коммунистической идеологии и расширении либерально-демократической сферы.

С распадом СССР развитие этих тенденций резко ускорилось. Страны Восточной Европы, проведя ряд успешных реформ [Bunce, 1990], окончательно закрепили свои намерения по интеграции в ЕС и НАТО, т.е. в сообщество либеральных демократий. Новые веяния проникли и в постсоветские страны, часть из которых (Латвия, Литва и Эстония) также быстро достигли успеха в реформировании своих политических и экономических систем и были приняты в ЕС и НАТО вместе со странами Восточной Европы. Наконец, для самых «отстающих» постсоветских стран в 2008 г. был разработан механизм по их постепенной экономической либерализации и политической демократизации на площадке «Вос-

точного партнерства», куда вошли шесть постсоветских государств Восточной Европы и Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия, Белоруссия, Молдова, Украина).

Отдельно важно отметить, что в 1990-е годы и даже в первой половине 2000-х годов многие перемены происходили чрезвычайно мирно, особенно если сравнивать с предыдущей эпохой холодной войны: в качестве примеров можно привести объединение Германии и «бархатный развод» Чехословакии. При этом с конца 1980-х годов Москва начала выводить свои военные контингенты из Восточной Европы, а в 1990-е годы с территории Белоруссии и Украины было выведено ядерное оружие. Вступление стран Восточной Европы и трех стран Балтии в ЕС и НАТО в 2003–2004 гг. на тот момент также не имело негативных последствий. Казалось, что все события действительно развиваются в духе «конца истории»: страны региона разделяли приверженность идеалам либеральной демократии, объединялись в экономические и оборонные сообщества, при этом уменьшалось количество внешних угроз, и весь регион становился более единым и менее конфликтным. «Восточное партнерство» как часть более широкой политики соседства Евросоюза следовало той же логике развития, поскольку оно создавалось если и не с целью скорого дальнейшего расширения ЕС, то с прицелом на создание вокруг европейских либеральных демократий пояса идеологически близких им режимов.

Тем не менее уже к середине 2000-х годов в Восточной Европе выявились очевидные признаки того, что разговоры о торжестве либеральной демократии и вступлении всего региона в период «постистории» преждевременны.

Первым из этих признаков можно считать возникновение определенных проблем, связанных с качеством новых институтов в странах бывшего соцлагеря. Несмотря на успехи в деле либеральных реформ и демократических преобразований, социально-политический уклад этих государств по-прежнему отличался от политического уклада западного «ядра». В то время как в либерально-демократических странах Северной Америки и Западной Европы индекс демократии варьировался от 8,64 до 8,36 пункта и от 8,60 до 8,23 пункта соответственно, в странах Центральной и

Восточной Европы ситуация была совершенно другой. В 2006 г. этому региону¹ был присвоен совокупный рейтинг 5,76 пункта (немногим выше, чем в странах Африки и Ближнего Востока), а к 2021 г. он снизился до 5,36 пункта, и при этом среди стран региона вообще не было «полноценных демократий» [Democracy index ..., 2022].

В середине 2000-х годов Дж. Рупник отмечал, что доверие к демократическим институтам в Восточной Европе было подорвано, поскольку политические элиты восточноевропейских стран не смогли преодолеть свое коммунистическое прошлое и изжить коммунистическую политическую культуру [Rupnik, 2006]. Считается, что именно этим был обусловлен последовавший в 2010-е годы рост популизма в некоторых восточноевропейских государствах. Так, И. Крастев отмечал, что в это десятилетие в Венгрии и Польше – двух образцовых представителях посткоммунистической демократизации – к власти пришли консерваторы-популисты, которые начали активную борьбу с нормами либеральной демократии [Krastev, 2018]. В данном контексте весьма символично высказывание премьер-министра Венгрии В. Орбана: «Демократия необязательно должна быть либеральной. Даже не будучи либеральной, демократия может оставаться демократией» (цит. по: [Ibid]).

Вторым признаком, свидетельствующим о том, что бесконфликтный период в Восточной Европе так и не наступил, стали раздающиеся с начала 2020-х годов высказывания официальных лиц, связанные с нерешенными противоречиями и накопившимися историческими претензиями. Наиболее яркий, но не единственный пример: официальное требование о выплате репараций за Вторую мировую войну, предъявленное Германии польским парламентом [Глава МИД Польши ..., 2022]. Здесь следует напомнить, что исторически границы государств Восточной Европы далеко не

¹ В рейтинге учитывались Албания, Армения, Азербайджан, Белоруссия, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Чешская Республика, Эстония, Грузия, Венгрия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Черногория, Северная Македония, Польша, Румыния, Российская Федерация, Сербия, Словакия, Словения, Таджикистан, Туркменистан, Украина, Узбекистан.

всегда учитывали национальное или этническое разделение. И если в 1990-е и 2000-е годы вступление в НАТО и особенно в ЕС сыграло для восточноевропейских государств позитивную роль, сделав границы менее ощутимыми, а в конце 2010-х – начале 2020-х годов свою роль сыграла и Россия как общий противник, объединивший многие страны региона перед лицом общей угрозы, то с течением лет эти факторы стали менее значимыми на фоне новых важных обстоятельств – роста неравенства внутри ЕС и того факта, что национальные правительства восточноевропейских стран оказались неспособны быстро и эффективно решить данную проблему. В результате на волне поднимающегося популизма в отдельных странах региона возродились прежние споры и претензии к соседям.

Наконец, третий признак того, что Восточная Европа вряд ли сможет в ближайшее время превратиться в либерально-демократический бесконфликтный регион, – растущий градус напряженности (причем как политической, так и военной) в отношениях между странами «коллективного Запада» и Россией. Эти противоречия в меньшей степени затрагивают те государства Восточной Европы, которые уже стали членами ЕС и НАТО, и в гораздо большей степени касаются трех оставшихся стран – Белоруссии, Молдовы и Украины. При этом нельзя сказать, что Россия, несмотря на развитие интеграционных проектов, сумела сформулировать собственную идеологическую альтернативу либеральной демократии, которую она могла бы предложить этим странам. Но если события в остальной Восточной Европе свидетельствуют лишь о проблемах с имплементацией либеральной демократии в том виде, как ее понимают на Западе, то события последних 30 лет в Белоруссии, Молдове и Украине убедительно показывают, что существует географический предел масштабирования либерально-демократической идеологии и зоны «конца истории».

Постсоветские страны Восточной Европы: конфликты, связанные с распространением либеральной демократии

Распространение либеральной демократии в Белоруссии, Молдове и Украине было важным приоритетом для приверженцев данной идеологии. Еще в 1990-е годы ЕС подписал с этими стра-

нами Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. В 2008 г. была анонсирована, а в 2009 г. запущена программа «Восточное партнерство», предполагавшая «перспективу заключения соглашения об ассоциации нового поколения, глубокой интеграции в экономику ЕС, заключения всеобъемлющих соглашений о зонах свободной торговли, облегчения поездок в ЕС для граждан при условии реализации мер по повышению безопасности, внедрения мер энергобезопасности и увеличения финансовой помощи» [Совместная декларация ..., 2009]. Хотя эта программа не гарантировала участникам членство в ЕС, ее итогом должна была стать ассоциация с ЕС – форма сотрудничества со странами-соседями, разделяющими западные либерально-демократические ценности.

Однако, несмотря на исходный импульс 1990-х годов, в каждой из трех стран распространение либеральной демократии столкнулось с определенными проблемами. Ниже ситуация в каждом из этих государств рассматривается отдельно по причине различий национальных политических систем, появившихся в результате различных траекторий их постсоветского развития.

Белоруссия

Главной преградой на пути быстрого распространения либеральной демократии в Белоруссии стало промедление в вопросах либерализации экономики и достаточно быстрый откат от имплементации демократических принципов после прихода к власти в 1994 г. первого (и пока все еще единственного) президента А. Лукашенко. Иными словами, с одной стороны, большая доля собственности в 1990-е годы осталась в руках государства, а, с другой стороны, А. Лукашенко, сумевший за счет механизмов госрегулирования относительно легко консолидировать внутренние ресурсы, зафиксировал сложившуюся ситуацию на политическом уровне, превратив страну в суперпрезидентскую республику (с широкими президентскими полномочиями).

В следующие 20 лет по мере постепенной маргинализации оппозиции происходило ее выдавливание из политического поля, в результате чего политическая система стала маловосприимчивой к изменениям. Опасаясь так называемых «цветных революций» и

смены режимов, какие происходили в других постсоветских странах, белорусские власти вводили все бóльшие ограничения на работу иностранных фондов [Лукашенко ..., 2021] и даже на деятельность зарубежных дипломатов (например, понижая статус дипломатических представительств). В результате в течение 2000–2010-х годов многие НКО, ассоциировавшиеся с либерально-демократической повесткой, включая и те, что вели исключительно просветительскую деятельность, были закрыты. При этом А. Лукашенко часто обвинял именно польских и литовских политиков (т.е. представителей стран-соседей) в попытках распространить в Белоруссии либерально-демократические идеи [Семь этапов ..., 2020].

Следует отметить, что Россия, несмотря на неоднозначные и не всегда гладкие отношения Минска и Москвы, неизменно поддерживала белорусское руководство в его борьбе с либерально-демократической идеологией и ее проявлениями в политическом поле. Россия оказала Лукашенко значительную поддержку во время конституционного кризиса 1996 г., который закончился изменением политического строя Белоруссии, после чего начался разгром внутренней оппозиции. В дальнейшем российская сторона никогда не присоединялась к санкциям против Белоруссии, которые вводили ЕС и США, обвинявшие белорусские власти в том, что они блокируют участие своих оппонентов в президентских выборах и приговаривают оппозиционеров к тюремному заключению. Напротив, Москва постоянно оказывала Минску финансовую и ресурсную поддержку.

Пожалуй, самый яркий пример, характеризующий ситуацию в Белоруссии, – президентские выборы 2020 г., по итогам которых по всей стране прошли массовые протесты с требованиями либерализации и демократизации политической системы. Несмотря на беспрецедентные для белорусской истории и, возможно, всего постсоветского пространства (в относительных показателях) масштаб и длительность этих протестов, а также на резкую критику и санкции со стороны западных держав, белорусский режим успешно подавил внутреннее неповиновение. Российская же сторона в этом случае не только первой официально признала победу

А. Лукашенко на президентских выборах, но также предложила направить в Белоруссию свои силы, чтобы оказать Минску помощь в подавлении протестной активности.

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на участие официального Минска в ряде форматов диалога и сотрудничества со странами «коллективного Запада», природа белорусского политического режима (который только условно можно назвать «демократическим») с самого начала была несовместима с идеологией либеральной демократии, а благодаря жесткой централизации власти внутри страны и поддержке со стороны России режим А. Лукашенко всегда эффективно давал отпор любым попыткам привнести в страну альтернативные идеологии из-за рубежа.

Республика Молдова

В отличие от Белоруссии, движение за независимость в Республике Молдова с самого начала во многом основывалось на националистических настроениях части элиты. Транзит к демократии (которая тоже оказалась весьма условной) в Молдове начался с прихода к власти радикальных националистов и частично даже «унионистов»¹ – националистического движения «Народный фронт». Не случайно после этого в стране вспыхнул Приднестровский конфликт, по сей день остающийся «замороженным». По сути, тот факт, что центральное правительство Молдовы не признает права русскоязычного населения левобережья Днестра, а принятые законы напрямую дискриминируют национальные меньшинства, ставит под сомнение саму возможность имплементации принципов либеральной демократии в стране. В 1990-е годы единственным официальным языком Республики Молдова был признан румынский; русский получил статус языка межнационального общения, а языки прочих меньшинств (гагаузов, болгар, украинцев) остались вообще без легального статуса [Lege ..., 1989].

В экономической сфере ситуация в Молдове, на первый взгляд, была более либеральной, чем в Белоруссии. Благодаря проводимым в стране рыночным реформам, Молдова заработала

¹ Унионисты – сторонники объединения Молдовы (в ее нынешних границах) и Румынии.

репутацию «одного из ведущих реформаторов в регионе» [Hensel, Gudim, 2004]. Либерализация торговли позволила Молдове одной из первых среди стран СНГ присоединиться к ВТО (2001). Приватизация привела к быстрому перераспределению собственности малых и средних государственных предприятий в пользу частных собственников, и в результате доля частного бизнеса возросла до примерно 80% ВВП, прежде всего в сфере сельского хозяйства и услуг [McDonagh, 2008].

Во всех странах Восточной Европы экономическая либерализация сыграла важную роль в демократизации политической жизни. Но в Молдове (как и в некоторых других странах региона) это привело к формированию не столько либеральной, сколько так называемой гибридной демократии – режима, в котором присутствуют отдельные демократические элементы (чаще всего – многопартийная система и наличие выборов), но отсутствуют прочие демократические институты (например, верховенство права) [Alexander, 2008]. В Молдове гибридная демократия способствовала прежде всего высокой концентрации капитала в руках бизнеса при низкой эффективности (и бедности) государственной бюрократии.

Такая ситуация вскоре породила существенные проблемы. С одной стороны, за годы независимости в стране значительно выросла коррупция [Moldova corruption ..., 2022], что привело к росту теневой экономики, подрыву достижений либерализации и усугублению неравенства. Так, в период между 2000 и 2016 гг. доля теневой экономики по отношению к ВВП Молдовы варьировалась от 34,6 до 20,6% [How is shadow ..., 2018]. С другой стороны, жертвами коррупции и возросшего влияния экономических групп стали сами демократические принципы, поскольку местные олигархи начали активно вмешиваться в политическую жизнь страны и воздействовать на результаты выборов. И хотя, согласно некоторым исследованиям, такая «конкурентная олигархия» имеет свои преимущества, поскольку не позволяет концентрировать власть в одних руках и тем самым создает основу для плюрализма мнений [Цырдя, Чобану, 2014], в конечном итоге она приводит к ослабле-

нию государства и, следовательно, к его неспособности решать многие социальные проблемы.

Не обошел стороной Молдову (в отличие от Белоруссии) и феномен «цветных революций». В апреле 2009 г. в стране начались массовые протесты, которые в дальнейшем переросли в массовые беспорядки. Акции были организованы коалицией демократических партий (в дальнейшем – Альянсом за европейскую интеграцию). И хотя протестные акции не привели к немедленной смене власти в стране, за ними последовал долгий период политической неопределенности, соперничества прозападных и пророссийских политических сил, приведший к значительной поляризации общества. Показательно, что даже после прихода к власти ориентированного на интеграцию со странами Запада правительства М. Санду (2020) [President Maia Sandu ..., 2022] проводимая им внутренняя политика продолжала провоцировать внутреннюю конфликтность, свидетельством чего является дальнейший рост протестной активности [В Кишиневе ..., 2022].

Влияние России в Республике Молдова проявлялось гораздо слабее, чем в Белоруссии. Начиная с 2009 г., когда к власти пришел Альянс за европейскую интеграцию, официальный Кишинев зафиксировал курс на евроинтеграцию. В 2014 г. Молдова подписала Соглашение об ассоциации с ЕС, в 2022 г. получила статус кандидата на вступление в Евросоюз. Тем не менее даже внешнеполитическая определенность не помогла решить внутренние проблемы, препятствующие укоренению в стране принципов либеральной демократии. И хотя, на первый взгляд, политическим процессам в Молдове свойственна открытость и конкурентность (в гораздо большей степени, чем в Белоруссии), а экономика страны построена на либеральных принципах (частная собственность, рыночная конкуренция), повсеместная коррупция, дискриминация отдельных групп населения, а также «конкурентная олигархия» не позволяют этим принципам работать в полной мере, а на самом деле – совершенно искажают их суть.

Украина

В Украине исходная ситуация, сопряженная с определенными успехами в области построения либерально-демократического государства, также достаточно быстро стала развиваться примерно так же, как в Белоруссии или Молдове.

Во-первых, как и в случае Молдовы, у истоков движения за украинскую независимость стояли националистические силы (например, движение «Рух»). У президента России В. Путина были вполне определенные основания говорить о том, что Украину пытались превратить в анти-Россию [Путин, 2021]: в качестве примеров можно привести и известную книгу второго президента Украины Л. Кучмы «Украина – не Россия», и некоторые реформы следующего президента В. Ющенко, направленные на расширение использования украинского языка и ограничение использования русского. В стране сократилось количество русскоязычных школ, судопроизводство было переведено на украинский (государственный) язык. В 2006 г. на украинском телевидении и радио были установлены квоты в 75% на вещание на украинском языке, а спустя два года – 80% (действовали до 2012 г.) [Как на Украине ..., 2022]. Подобный подход плохо сочетается с либерально-демократической повесткой. Многонациональные и мультикультурные государства, к которым можно отнести и достаточно большую по европейским меркам Украину (более 50 млн жителей в 1990-е годы), внедряя либерально-демократические принципы, обычно идут по пути построения государства-нации (state-nation) с равным учетом интересов различных этнических и языковых групп, однако, как считает известный российский политолог А. Миллер, украинское руководство пошло в противоположном направлении – по пути построения нации-государства (nation-state), сделав ставку на «украинство» и выдавливание из общественного дискурса иных форм самосознания [Miller, 2008].

Во-вторых, начальная приватизация в Украине, как и в Молдове, тоже привела к олигархизации страны, формированию экономических групп интересов (кланов) и их дальнейшему сращиванию с политическими силами [Григорьев, 2014], что стало препятствием для распространения в экономике принципов либе-

рализма и честной конкуренции. При этом в случае Украины борьба экономических групп на политической арене была связана в том числе и с первой проблемой – национализмом, языковыми вопросами, различными (часто противоположными) интересами и взглядами на будущее страны в ее регионах [Kuzio, 2002 ; Korostelina, 2013 ; Onuch, Hale, Sasse, 2018]. Все это способствовало дальнейшему нарастанию конфликтности в украинской политической среде и стало одной из причин «цветной революции» 2004 г., а также государственного переворота 2014 г., который привел не только к жертвам среди протестующих в Киеве, но в дальнейшем – к началу военных действий на Юго-Востоке страны.

В-третьих, как и в случае Белоруссии, Россия поддерживала усилия тех политических сил Украины, которые стремились воспрепятствовать распространению западной версии либерально-демократической идеологии на территории страны. Рассматривая эти процессы в геополитическом ключе, Россия считала либерализацию и демократизацию предложением для передачи власти в руки прозападных и антироссийских сил; в связи с этим уже с 2000-х годов Москва выступала с регулярной критикой попыток ЕС или США влиять на политику Киева через различные фонды. Однако, поскольку Россия не смогла эффективно противодействовать западным каналам влияния, она поддержала те политические силы, которые выступили с пророссийской программой, по большей части прямо отвергающей либерально-демократическую идеологию [Медведчук ..., 2013].

Все эти обстоятельства обусловили существенное возрастание уровня конфликтности как внутри Украины, так и в ее отношениях с соседями (Россией, частично Белоруссией). И в период «цветной революции» 2004 г., и во время государственного переворота 2014 г. смена власти происходила под давлением, а в 2014 г. сопровождалась насилием. В последнем случае смена руководства страны и приход к власти националистически (а не либерально-демократически) настроенных сил стали причиной перехода отдельных районов страны к вооруженному сепаратизму. Но даже если оставить Крым и Донбасс за скобками, следует подчеркнуть, что с 2014 г. во всех областях Украины – даже при сохранявшейся

децентрализации – проходило активное продвижение антирусской политической повестки, направленной против тех, кто поддерживал отношения с Россией. Нельзя не отметить и такой феномен, как появление независимых вооруженных активистов, готовых применять насилие, и даже вооруженных формирований, позже интегрированных в украинскую армию (однако, по данным некоторых исследований, сохранивших при этом определенную автономию).

События 2022 г. стали «идеальным штормом», сложившимся под воздействием всех трех факторов. Но в данном случае действия России нельзя трактовать как попытку остановить распространение либерально-демократической идеологии. Правильнее сказать, что Россия отреагировала на ситуацию в Украине и связанные с ней проблемы, обусловленные тем, что либеральная демократия в Украине так и не установилась и, следовательно, страна не сумела решить эти проблемы так же успешно, как когда-то это сделали государства Западной Европы или Северной Америки.

«Продолжение истории» в Белоруссии, Молдове, Украине и других восточноевропейских странах

Комментируя события в Украине, Ф. Фукуяма вновь вспоминает о своей давней идее. Теперь он уже не настаивает на неизбежности «конца истории», но украинский конфликт по-прежнему интерпретирует через призму либерально-демократического порядка. Приписывая российскому президенту предвзятую позицию («он [В. Путин. – *Авт.*] утверждает, что либеральная демократия вообще не работоспособна, а особенно неуместна в славянском мире» [Fukuyama, 2022b]), Фукуяма делает Украину не просто жертвой конфликта, но символом борьбы за продвижение либеральной демократии («свободная Украина опровергала эти утверждения, и поэтому (по мнению В. Путина. – *Авт.*) она должна была быть уничтожена» [Ibid.]). Сегодня Фукуяма считает, что будущее либеральной демократии – в борьбе: «Впереди у либерализма тяжелая работа, и она не закончится, даже если Путин проиграет. Китай будет ждать своего часа, а вместе с ним Иран, Венесуэла, Куба и популисты в западных странах» [Fukuyama, 2022a].

Следует подчеркнуть, что в данной работе мы не выступаем с критикой самой либерально-демократической идеологии и в целом соглашаемся с Ф. Фукуямой, который считает, что эта идеология помогает снизить как внутригосударственную, так и межгосударственную конфликтность: об этом свидетельствует опыт стран Западной Европы и Северной Америки, где за последние почти 250 лет (со времен войны за независимость британских колоний в Америке) многие социальные противоречия были весьма успешно разрешены. Нельзя не признать и достижения либеральных демократий в области сдерживания международных конфликтов между ними. Выше мы уже отмечали, что поддержание либерально-демократических принципов в Европе на платформе ЕС и других европейских и евро-атлантических институтов способствует сохранению мира на территории Евросоюза, делая границы между странами – и, следовательно, межнациональные проблемы – менее ощутимыми, что особенно благоприятно сказалось на положении новых либерально-демократических стран из региона Восточной Европы.

И тем не менее в некоторых странах региона «конец истории» так и не наступил, и особенно это касается Белоруссии, Молдовы и Украины. Рост конфликтности как внутри этих стран, так и на международном уровне в их отношениях с соседями свидетельствует о кризисе если не самой либеральной демократии (которая так и не устоялась в этих странах), то идеи ее *распространения*. Тому есть несколько причин.

Первая причина – разрыв между принципами либеральной демократии и национальными и культурными особенностями данных стран. Либерализм и демократия основаны на достаточно универсальных идеях, которые в целом давно признают все страны. Однако при имплементации либерально-демократических идей в странах незападной культуры они накладываются на национальные традиции и историческую инерцию, что не позволяет либерально-демократической идеологии работать в полную силу. Именно этим во многом обусловлен феномен возникновения так называемых «нелиберальных демократий» – государств, где демократические процедуры формально соблюдаются, но отсутствуют

многие другие либеральные компоненты общественно-политической жизни. Историческая инерция играет заметную роль на пространстве всей Восточной Европы (хотя и в разной степени в различных странах), но для Белоруссии, Молдовы и Украины ее влияние оказалось критическим: либеральная демократия и соответствующая ей низкоконтрактная государственная модель не смогли укорениться на их территории.

Вторая причина, которая является следствием первой, – большая доступность традиционных политических инструментов для решения внутренних проблем. В Восточной Европе это пока проявляется в форме популизма. Но в трех рассмотренных странах такими инструментами стали авторитарное или олигархическое правление с низкой вовлеченностью граждан в процесс принятия решений, коррупция, национализм, игнорирование мнений меньшинств, в целом использование насилия как средства решения споров: все это не только идет вразрез с либерально-демократическими принципами инклюзивности, но и повышает градус конфликтности как внутри страны, так и в ее отношениях с соседями (при наличии старых проблем).

Третья причина кризиса либеральной демократии в регионе – геополитическое измерение международных отношений, сохранившееся после окончания холодной войны. Какими бы мирными и благородными ни казались усилия западных стран по экспорту либерально-демократической идеологии, нельзя отрицать, что работа политиков, НКО, соответствующих фондов была увязана с решением военно-политических вопросов. Стремление западных держав обезопасить себя и своих новых союзников по НАТО привело к изменению баланса сил на территории Европы и появлению новых военных угроз. Именно так Россия воспринимала действия политиков, пришедших к власти в Республике Молдова (2009) и Украине (2004, 2014) в результате «цветных революций», и их заявления о необходимости провести не только идеологическую, но и военно-политическую переориентацию своих государств [Санду об объединении ..., 2022], а также растущую активность НАТО и отдельных стран – участниц Альянса в Украине в

2014–2022 гг. (особенно после начала украинского конфликта в 2022 г.).

На основании вышеизложенного можно высказать два предположения о том, почему «конец истории» в его изначальном понимании так и не наступил в регионе Восточной Европы и в особенности – в трех странах из числа бывших республик СССР.

Во-первых, важное значение имеет то, насколько социально-политическая культура конкретного общества отличается от нынешней западной либерально-демократической модели; также немаловажен объем помощи и ресурсов, которые западные державы готовы затратить на переустройство этих обществ. Если восточноевропейские страны бывшего соцлагеря и три прибалтийские постсоветские республики достаточно быстро интегрировались в сообщество западных либеральных демократий (хотя и в этих государствах глубина проникновения либерально-демократической идеологии, как видно, имеет свой предел), то постсоветские Белоруссия, Молдова и Украина оказались более инертными и в их случае препятствий для укоренения либерально-демократической модели было гораздо больше¹.

Во-вторых, нужно учитывать, как распространение либеральной демократии (необязательно умышленное, т.е. даже без участия фондов и НКО) влияет на систему безопасности в регионе. Поскольку в мире по-прежнему остаются крупные государства, не желающие принимать либерально-демократический миропорядок «конца истории» на условиях Фукуямы, то они могут (и, как показывает практика, будут) воспринимать расширение сферы влияния либерально-демократической идеологии (вне зависимости от ее успешности, преимуществ и недостатков) как вызов собственной безопасности. Такие государства могут (и будут) использовать широкий арсенал политических инструментов, направленных на противодействие распространению либеральной демократии. А это, в свою очередь, будет создавать дополнительные сложности

¹ Вывод о прямой зависимости между инертностью обществ и объемом инвестиций, необходимых для ее преодоления, можно экстраполировать и на другие регионы мира.

для корректной работы принципов либерализма и демократии и в конечном итоге не позволит избежать возникновения конфликтов.

В целом вышеизложенные соображения позволяют понять, почему в трех восточноевропейских странах постсоветского пространства «конец истории» (пока) так и не наступил: для его наступления нужно соблюдение определенных условий, а также согласие всех главных участников международных отношений. А до этого в регионе, очевидно, еще далеко.

Литература/References

В Кишиневе прошли акции протеста против правительства. (2022) // RTVI. – Москва. – 16.10. – URL: <https://rtvi.com/news/v-kishineve-proshli-akczii-protesta-protiv-pravitelstva/> (дата обращения: 10.12.2022) [Protests against the government took place in Chisinau [V Kishineve proshli aktsii protesta protiv pravitel'stoa]. (2022) // RTVI. – Moscow. – 16.10. – URL: <https://rtvi.com/news/v-kishineve-proshli-akczii-protesta-protiv-pravitelstva/> (date of access: 10.12.2022)] (In Russian).

Глава МИД Польши подписал ноту с требованием репараций от ФРГ. (2022) // ТАСС. – Москва. – 03.10. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15938341> (дата обращения: 10.12.2022) [The head of the Polish Foreign Ministry signed a note demanding reparations from Germany [Glava MID Pol'shi podpisal notu s trebovaniem reparatsii ot FRG]. (2022) // TASS. – Moscow. – 03.10. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15938341> (date of access: 10.12.2022)] (In Russian).

Григорьев Л.М. (2014). Транзит в никуда // Россия в глобальной политике. – Москва. – Т. 12, № 3. – С. 120–130 [Grigoriev L.M. (2014). Transit to nowhere [Tranzit v nikuda] // Russia in global affairs. – Moscow. – Vol. 12, Issue 3. – P. 120–130] (In Russian).

Как на Украине ограничивали использование русского языка. (2022) // ТАСС. – Москва. – 01.08. – URL: <https://tass.ru/info/15358089> (дата обращения: 10.12.2022) [How the use of the Russian language was limited in Ukraine [Kak na Ukraine ogranichivali ispol'zovanie russkogo yazyka]. (2022) // TASS. – Moscow. – 01.08. – URL: <https://tass.ru/info/15358089> (date of access: 10.12.2022)] (In Russian).

Лукашенко : НКО под видом благотворительности отрабатывают чужой политический заказ. (2021) // БЕЛТА. – Минск. – 30.07. – URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-nko-pod-vidom-blagotvornosti-otrabatyvajut-chuzhoj-politicheskij-zakaz-452930-2021/> (дата обращения: 10.12.2022) [Lukashenka : NGOs under the guise of charity work out

someone else's political order [Lukashenko : NKO pod vidom blagotvoritel'nosti otrabatyvayut chuzhoi politicheskii zakaz]. (2021) // BELTA. – Minsk. – 30.07. – URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-nko-pod-vidom-blagotvoritelnosti-otrabatyvajut-chuzhoj-politicheskij-zakaz-452930-2021/> (date of access: 10.12.2022)] (In Russian).

Медведчук – Майдану : хочете воювати? Я вмію. (2013) // Українська правда. – Київ. – 29.12. – URL: <https://www.pravda.com.ua/news/2013/12/29/7008828/> (дата обращения: 10.12.2022) [Medvedchuk to Maidan : do you want to fight? I can [Medvedchuk – Majdanu : hochete vojувати? Ja vmiyu]. (2013) // Ukrainian pravda. – Kyiv. – 29.12. – URL: <https://www.pravda.com.ua/news/2013/12/29/7008828/> (date of access: 10.12.2022)] (In Ukrainian).

Путин В.В. (2021). Об историческом единстве русских и украинцев / Президент России. – Москва. – 12.07. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 10.12.2022) [Putin V.V. (2021). On the historical unity of Russians and Ukrainians [Ob istoricheskom edinstve russkikh i ukrainsev] / President of Russia. – Moscow. – 12.07. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (date of access: 10.12.2022)] (In Russian).

Санду об объединении с Румынией и вступлении в НАТО : респать должен народ. (2022) // Anadolu Agency. – Анкара. – 28.04. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/санду-об-объединении-с-румынией-и-вступлении-в-нато-респать-должен-народ/2575063> (дата обращения: 10.12.2022) [Sandu on unification with Romania and joining NATO : the people should decide [Sandu ob ob'edinenii s Rumyniei i vstuplenii v NATO : reshat' dolzhen narod]. (2022) // Anadolu Agency. – Ankara. – 28.04. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/peace/sandu-on-unification-with-romania-and-joining-nato-people-should-decide/2575063> (date of access: 10.12.2022)] (In Russian).

Семь этапов сценария по уничтожению Беларуси : Лукашенко рассказал об истинных замыслах оппонентов. (2020) // БЕЛТА. – Минск. – 16.09. – URL: <https://www.belta.by/president/view/sem-etapov-stsenarija-po-unichtozheniju-belarusi-lukashenko-rasskazal-ob-istinnyh-zamyslah-opponentov-406999-2020> (дата обращения: 10.12.2022) [Seven stages of the scenario for the destruction of Belarus: Lukashenko spoke about the true intentions of his opponents [Sem' etapov stsenariya po unichtozheniyu Belarusi : Lukashenko rasskazal ob istinnykh zamyslakh opponentov]. (2020) // BELTA. – Minsk. – 30.07. – URL: <https://www.belta.by/president/view/sem-etapov-stsenarija-po-unichtozheniju-belarusi-lukashenko-rasskazal-ob-istinnyh-zamyslah-opponentov-406999-2020> (date of access: 10.12.2022)] (In Russian).

Совместная декларация Пражского саммита по вопросам «Восточного партнерства». (2009) / Совет Европейского союза. – Брюссель. – 07.05. –

- 11 с. – URL: http://oide.sejm.gov.pl/oide/images/leksykon/deklaracja_praska_ros.pdf (дата обращения: 10.12.2022) [Joint declaration of the Prague Summit on the Eastern Partnership [*Sovmestnaya deklaratsiya Prazhskogo sammita po voprosam Vostochnogo partnerstva*]. (2009) / Council of the European Union. – Brussels. – 07.05. – 11 p. – URL: http://oide.sejm.gov.pl/oide/images/leksykon/deklaracja_praska_ros.pdf (date of access: 10.12.2022)] (In Russian).
- Цырдя Б., Чобану В. (2014). Олигархическая Молдова. – Кишинёв. – 856 с. [Tsyrdya B., Chobanu V. (2014). Oligarchic Moldova [*Oligarkhicheskaya Moldova*]. – Chisinau. – 856 p.] (In Russian).
- Alexander M. (2008). Democratization and hybrid regimes : comparative evidence from Southeast Europe // East European politics and societies. – Thousand Oaks, CA : SAGE Publishing. – Vol. 22, Issue 4. – P. 928–954.
- Bromley D.W. (2022). The confusions of democracy : the Arab spring and beyond // World development. – Amsterdam : Elsevier. – Vol. 158. – 18 p.
- Bunce V. (1990). The struggle for liberal democracy in Eastern Europe // World policy j. – Durham, NC : Duke univ. press. – Vol. 7, Issue 3. – P. 395–430.
- Democracy index 2021 : the China challenge. (2022) / Economist Intelligence. – London. – 85 p. – URL: <https://pages.eiu.com/rs/753-RIQ-438/images/eiu-democracy-index-2021.pdf> (date of access: 10.12.2022).
- Fukuyama F. (1989). The End of History? // The National Interest. – Washington, D.C. – N 16. – P. 3–18.
- Fukuyama F. (2006). America at the crossroads : democracy, power, and the neoconservative legacy. – New Haven, CT : Yale univ. press. – 226 p.
- Fukuyama F. (2022a). Putin’s war on the liberal order // Financial Times. – London. – 04.03. – URL: <https://www.ft.com/content/d0331b51-5d0e-4132-9f97-c3f41c7d75b3> (date of access: 10.12.2022).
- Fukuyama F. (2022b). Why Ukraine will win // J. of democracy. – Washington, D.C. : Johns Hopkins univ. press. – September. – URL: <https://www.journalofdemocracy.org/why-ukraine-will-win/> (date of access: 10.12.2022).
- Hassan I., Dyer P. (2017). The state of middle Eastern youth // The Muslim world. – Hartford : Blackwell Publishing. – Vol. 107, Issue 1. – P. 3–12.
- Hensel S., Gudim A. (2004). Moldova’s economic transition : slow and contradictory // The EU and Moldova : on a fault-line of Europe / Lewis A. (Ed.). – London : Federal Trust. – P. 89–102.
- How is shadow economy controlled in Moldova. (2018) / CEF. – Chisinau. – 14.04. – URL: <https://www.cef-see.org/how-is-shadow-economy-controlled-in-moldova-2016-04-14> (date of access: 10.12.2022).
- Huntington S. (1993). The clash of civilizations // Foreign affairs. – New York. – Vol. 72, Issue 3. – P. 22–49.

Kaplan M.A. (1957). *System and process in international politics*. – Hoboken, NJ : Wiley-Blackwell. – 284 p.

Kennedy P. (1989). *The rise and fall of the great powers : economic change and military conflict from 1500 to 2000*. – New York : Vintage. – 704 p.

Keohane R.O. (2005). *After hegemony : cooperation and discord in the world political economy*. – Princeton, NJ : Princeton univ. press. – 320 p.

Korostelina K.V. (2013). Identity and power in Ukraine // *J. of Eurasian studies*. – Thousand Oaks, CA : SAGE Publishing. – Vol. 4, Issue 1. – P. 34–46.

Krastev I. (2018). Eastern Europe's illiberal revolution : the long road to democratic decline // *Foreign affairs*. – New York. – 16.04. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/hungary/2018-04-16/eastern-europe-illiberal-revolution> (date of access: 10.12.2022).

Kuzio T. (2002). Nationalism in Ukraine : towards a new theoretical and comparative framework // *J. of political ideologies*. – Abingdon-on-Thames : Routledge. – Vol. 7, Issue 2. – P. 133–161.

Lege Nr. 3465-XI cu privire la funcționarea limbilor vorbite pe teritoriul RSS Moldovenești. (1989) / Republica Moldova Parlamentul. – Chisinau. – 01.09. – URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=110684&lang=ro (date of access: 10.12.2022).

McDonagh E. (2008). Is democracy promotion effective in Moldova? The impact of European institutions on development of civil and political rights in Moldova // *Democratization*. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 15, Issue 1. – P. 142–161.

Miller A. (2008). A nation-state or a state-nation? // *Russia in global affairs*. – Moscow. – Vol. 6, Issue 4. – URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/a-nation-state-or-a-state-nation/> (date of access: 10.12.2022).

Moldova corruption rank. (2022) // *Trading Economics*. – New York. – URL: <https://tradingeconomics.com/moldova/corruption-rank> (date of access: 10.12.2022).

Onuch O., Hale H.E., Sasse G. (2018). *Studying identity in Ukraine // Post-Soviet affairs*. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 34, Issue 2–3. – P. 79–83.

President Maia Sandu on democracy and politics in Moldova. (2022) / Chatham House. – London. – 05.07. – URL: <https://www.chathamhouse.org/2022/07/president-maia-sandu-democracy-and-politics-moldova> (date of access: 10.12.2022).

Rupnik J. (2006). Why Eastern Europe is turning anti-liberal? // *Telos*. – Paris. – 03.11. – URL: <https://www.telos-eu.com/en/european-politics/why-eastern-europe-is-turning-anti-liberal.html> (date of access: 10.12.2022).

© Skriba A.S.¹, © Bodishteanu N.V.², 2023
«End of history» and the Post-Soviet countries
of Eastern Europe: what came wrong?

Abstract. Against the backdrop of the Ukrainian events, the concept of the «end of history» is discussed in the context of the prospects for the spread of liberal democratic ideology and the possibilities for ending conflicts. In the 1990s, the region of Eastern Europe, which, after the collapse of the USSR, included post-Soviet countries, became a symbol of the success of liberal democracy and the transition of international relations to the new, conflict-free state. However, if in the case of the former CMEA countries, as well as the three Baltic countries, liberal democracy was eventually institutionalized on the platforms of the EU and NATO, then in the case of the other three countries of the former USSR – Belarus, Moldova and Ukraine – such a result was not achieved.

Moreover, despite long-standing attempts to reorient these countries to the liberal-democratic paths of development, all three countries still demonstrate a high level of rejection of the liberal democratic order. Considering that the author of the idea of the «end of history» F. Fukuyama has now again raised the question of the prospects for liberal democracy and the conflict-free world that it supposedly should bring, the authors of the article propose to critically evaluate the achievements of the last thirty years in this area using the example of the states of Eastern Europe with an emphasis on Belarus, Moldova and Ukraine to answer the question why the «end of history» (in all the complexity of this concept), despite the efforts made by the «collective West», has not been fully realized here so far.

¹ *Skriba Andrei Sergeevich* – Ph.D. in Political Sciences, Head of the Research and Training Laboratory for Political Geography and Contemporary Geopolitics, Faculty of World Economy and World Politics, National Research University «Higher School of Economics» (askriba@hse.ru).

² *Bodishteanu Nicole Vitalevna* – Ph.D. Student, Research Assistant, International Laboratory on World Order Studies and the New Regionalism, Faculty of World Economy and World Politics, National Research University «Higher School of Economics» (nbodishteanu@hse.ru).

Keywords: «end of history», liberal democracy, Eastern Europe, conflicts, Belarus, Moldova, Ukraine.

Статья поступила в редакцию (Received) 11.12.2022.

Доработана после рецензирования (Revised) 22.01.2022.

Принята к публикации (Accepted) 25.01.2023